

Особенности хронотопологической структуры экзистирования в «Улитке на склоне» Стругацких

Политов Андрей Викторович

доктор философских наук, доцент, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4175-9040. E-mail: avpolitov@pstu.ru

Аннотация. *Проблемность и актуальность работы обусловлены обращением к развивающемуся по сей день понятию хронотопа (пространственно-временной целокупности), получившему распространение благодаря работам русских мыслителей XX в. А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина. В учении А. А. Ухтомского хронотопологичность как взаимосвязанность всего существующего характеризует бытие сущего (и вещи, и человека). Согласно учению М. М. Бахтина, хронотоп выступает в качестве и материального, и семантического пространственно-временного целого, характеризующего не только художественный образ и автономный микрокосм произведения искусства, но и бытие автора и героя – и в жизни, и в творчестве. Цель: опираясь в концептуально-мировоззренческом плане на этико-экзистенциальный посыл теории хронотопа и русской философской традиции в целом, проследить особенности хронотопологической структуры экзистирования человека в его соотношении с окружающим миром, природой, обществом и самим собой. Материалом послужит известное произведение отечественной литературы XX в. «Улитка на склоне» Стругацких, поскольку именно оно раскрывает в особом, собственно экзистенциальном разрезе специфику человеческого бытия XX в. Методологией выступило единство хронотопологического подхода и философско-герменевтического анализа. В результате работы установлено, что единичное сущее (индивид, герой) образует микрохронотоп, представленный мировой линией, вписанной в мировой макрохронотоп (мировой феномен – Лес). Человеческое бытие предстает в качестве хронотопологического целого, образованного жизненным путем-временем и жизненным миром-пространством. Бытие в хронотопе характеризуется и морально-нравственной компонентой, доминантой которой выступает Лицо другого человека (экзистенциальные метания и попытка прорыва к коммуникации героя). Обращение читателя, исследователя к художественному творению приобретает форму экзистенциального диалога (автор – герой, читатель – герой, мир – личность). Таким способом в событии встречи с автором и героем произведения (жизненного и художественного) открывается онтологическая коммуникация хронотопов.*

Ключевые слова: Ухтомский, Бахтин, Стругацкие, хронотопология, экзистирование

Введение и обзор концептуального поля. Хронотоп является одним из известных и востребованных в современной науке понятий, которое получило широкое распространение благодаря работам российских мыслителей А. А. Ухтомского [16, с. 81–88] и М. М. Бахтина [2, с. 51–68; 4]. Под хронотопом принято понимать единство времени и пространства, определенную пространственно-временную *целокупность*. Концепция хронотопа входит в отечественную философскую традицию в качестве неотъемлемой части, являясь созвучной представлениям о соотношении пространства-времени российских философов конца XIX – первой половины XX в. А. Ф. Лосева, Л. П. Карсавина, П. А. Флоренского, Н. В. Бугаева, Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского. Включенность теории хронотопа в историческое течение философской мысли проявилась после того, как европейский философ Ю. Кристева [8, с. 427–457] и другие исследователи ввели идеи М. М. Бахтина в контекст современной мысли.

Нам же более всего интересно практически использовать хронотоп в качестве максимально широко понятой общефилософской, онтологической категории, описывающей и раскрывающей сущее в целом, все этические, эстетические и экзистенциальные стороны его бытия, ведь именно онто-метафизическое содержание, проявляющееся прежде всего в экзистенциально-этическом, а также эстетико-аксиологическом аспектах, и должно определять универсальность и теоретическую ценность концепции хронотопа А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина.

В этом свете *начальной задачей* настоящего исследования является погружение концептуального материала учения о хронотопе А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина в широкую мировоззренческую и историческую перспективу русской философии и культуры, что поможет наглядно раскрыть и описать прежде всего онтолого-метафизическое (и вместе с ним – этико-экзистенциальное) значение теории хронотопа, содержащееся в идеях ее отцов-основате-

лей. *Основная цель* – применить хронотопологическую концепцию в *практических задачах* философской рефлексии и герменевтической аналитики феноменов отечественной философии, культуры и общества.

Теоретико-методологические основы, ч. 1: исходные установки и предпосылки хронотопологической теории у А. А. Ухтомского. Первый теоретико-методологический отдел будет посвящен теории хронотопа А. А. Ухтомского, в которой все существующее характеризуется как живое конкретно-индивидуальное хронотопологическое единство [14; 15, с. 267–275; 16]. Это представление А. А. Ухтомского о хронотопологичности бытия сущего включается в отечественную философскую традицию, оказываясь созвучным представлению об органичной целостности сущего А. Ф. Лосева [9, с. 321–331], идее пространственно-временного единства Л. П. Карсавина (всевременность – всепространственность – всеединство Бытия, Личности, Церкви) [7, с. 359–402], хронотопологическому по своей сути истолкованию образов Троицы и Креста в ритмологической концепции Н. В. Бугаева и П. А. Флоренского [13, с. 309–310].

Понимание времени как неотъемлемой, четвертой части пространственного целого было особенно характерно для ритмологии П. А. Флоренского. Подобное представление о хронотопологичности бытия сущего микшируется у П. А. Флоренского с религиозными мотивами, среди которых можно выделить представление о параллелизме Софии как четвертого ипостасного элемента и времени, добавочного к трем пространственным измерениям. Сюда же можно отнести определение времени как толщины и глубины действительности, понимаемой в качестве временно-пространственного целого, континуума. Особое, хронотопологическое значение у П. А. Флоренского несет образ Креста как соединения духа и плоти, неба и земли, времени и пространства. Крест представляет собой образно-графическое раскрытие четырехмерного мирового пространственно-временного континуума, тогда как Троица символизирует собой трехмерность.

Нам следует возвратиться к представлению А. А. Ухтомского о пространственно-временной целокупности и взаимообусловленности всего существующего («*бытии в хронотопе*»). Хронотопологичность являет собой не просто единство пространства и времени, но прежде всего *взаимосвязанность* сущего в бытии. В этом, пожалуй, состоит ключевое значение теории А. А. Ухтомского, благодаря которому у мыслителя понятие хронотопа может служить выражением общего принципа бытия сущего в целом и фактически перерастает до ранга онтологической категории.

Правда, в силу несистемности философского наследия мыслителя (в основном заметки, дневниковые записи, письма...) стороннему взгляду это не всегда очевидно. Согласно А. А. Ухтомскому, единичное сущее предстает в качестве индивидуального *микрохронотопа*, «*мировой линии*», включенной в общемировой *макрохронотоп*. Мировая линия репрезентирует собой бытие сущего в виде определенной траектории его жизненного пути. Бытие, таким способом понятое, оказывается исторично и событийно, сущее обладает собственной индивидуальной судьбой и характеризуется конечным, а потому уникальным и экзистенциально значимым существованием.

Все отмеченное означает, что в свете теории хронотопа А. А. Ухтомского раскрывается и обосновывается целая *онтология события*, нечуждая философским линиям XX в., в которой мир обнаруживается как взаимосвязанность и целокупность событий, являющихся хронотопологическим целым. Действующее, актуальное событие представляет собой становящийся хронотоп, характеризующийся незавершенностью. Ставшее, прошедшее событие есть, так сказать, «замкнутый» хронотоп (что не следует понимать буквально), обладающий единством пространственного (образованного местом действия) и временного (образованного длительностью) измерений. Хронотоп события несет экзистенциальное значение, поскольку включается в хронотоп пережившего и участвовавшего в нем человека. Макрохронотоп события объединяет собой микрохронотопы его участников, соединяет вместе разные жизненные пути индивидов.

Экзистенциально-онтологического значения теория хронотопа А. А. Ухтомского достигает во взглядах ученого на сущность человеческого бытия. С этой сферой у мыслителя сопряжена выраженная *этика* (у М. М. Бахтина, скорее, это будет *эстетика* человеческого бытия). Индивидуальная жизнь является вписанной в окружающий мировой макрохронотоп и взаимосвязанной с судьбами других. Хронотопологичность бытия сущего проявляется не только в совместном существовании, но и во взаимном определении, взаимовлиянии человеческих судеб друг на друга.

Согласно концепции А. А. Ухтомского, хронотопологичность человека – проявление не просто физиологической структуры восприятия живым организмом внешнего мира, но прежде всего человеческого бытия как такового, жизни индивида как целостного уникального единства, что достаточно типично для русского философского мирозерцания вообще и антропокосмизма в частности. Таким образом, хронотоп человека, по А. А. Ухтомскому, можно определить как единство жизненного пути (временное измерение человеческого бытия) и «жизненного мира» (который выступает пространственным измерением).

В представлении А. А. Ухтомского о межличностной коммуникации было очень хорошо показано, что человек должен избрать своей доминантой, иными словами, своим жизненным вектором Лицо другого человека [15]. Индивид обязан выбрать морально-нравственное поведение, чтобы необдуманными действиями не навредить людям, как близким, так и отчужденным, внешней социальной функциональностью. Но взаимосвязанность сущего в хронотопе не исключает того, что будущее закрыто от человека и неизвестно ему. Так как о собственном будущем человек может только гадать, то он должен опираться в своем бытии и оправдывать его собственным тщательно продуманным поведением, высоконравственной и чуткой к другим судьбам жизнью в хронотопе [16, с. 71]. Если у М. М. Бахтина онтология будет смыкаться с эстетикой и философской антропологией, то у А. А. Ухтомского этика синонимична онтологии.

Теоретико-методологические основы, ч. 2: особенности хронотопологического подхода раннего и зрелого периода философии М. М. Бахтина. Второй теоретико-методологический отдел посвящен воззрениям на хронотоп М. М. Бахтина именно как *последователя* А. А. Ухтомского. Поверхностное различие между двумя теориями хронотопа состоит в том, что А. А. Ухтомский распространял понятие хронотопа на все сущее в целом, в то время как М. М. Бахтин сводил область применения данного понятия к особой реальности художественного произведения, которая в силу уникальности своего способа бытия требует к себе иного подхода, чем наличная окружающая действительность...

Но, по сути, хронотопология М. М. Бахтина не менее имплицитно онтологична, чем учение о хронотопе А. А. Ухтомского, и реально складывается:

1) из *философии поступка и онтологии события* [1–3] (хронотопологическая структура бытия героя, который может быть и не вымышленным в художественном произведении, а настоящим, «из плоти и крови»);

2) чрезвычайно онтологически глубокой *диалектики автора и героя* (и в «К философии поступка» [2], и в «Авторе и герое эстетической деятельности» [3]).

Именно из этих двух позиций раннего М. М. Бахтина вполне уже можно извлечь *четверичность* хронотопа как единства не только времени и пространства, но и эйдоса и материи (анализ М. М. Бахтиным стихотворения А. С. Пушкина «Для берегов отчизны дальней» [2]). *Четверица хронотопа* – это его онтологическая матрица, которая «спрятана» в ранней философской антропологии М. М. Бахтина. В этическом плане сюда добавляется понятие *не-алиби в бытии*, онтологически синонимичное идее ответственности А. А. Ухтомского и в целом всем его взглядам, приведенным выше. Все вместе можно назвать *хронотопо-онтологией*, или *хронотопологией* (концепцией хронотопа в развернутом виде).

И *только после* этой первичной онто-эстетической (или онто-антропологической) позиции хронотоп у М. М. Бахтина выступает в качестве особого смыслового пространственно-временного целого, характеризующего художественный образ и образующего автономный художественный мир произведения искусства (в «Формах времени и хронотопа в романе» [4]). Это философская позиция, ставшая, так или иначе, наиболее известной в трактовке хронотопа вообще и отодвинувшая на второй план и этико-онтологические штудии А. А. Ухтомского, и хронотопологическую онто-эстетику и антропологию М. М. Бахтина. Тем не менее и в третьем, «филолого-эстетическом», понимании хронотопа можно найти глубоко онто-экзистенциальные мотивы. Обратимся же к ним.

Из античной философии известно, что сущность искусства состоит в подражании бытию (*мимесисе*). Художественный образ, являясь, по существу, одной из центральных категорий искусства, понимается в качестве формы и способа отображения, изображения, воспроизведения бытия художественным произведением. Как указывает М. М. Бахтин в черновиках к «Проблемам поэтики Достоевского», художественный образ развивается по собственным закономерностям и логике искусства, но в своей основе имеет модель реального, изображаемого им мира, которая с течением времени постоянно перестраивается, обуславливая соответствующие метаморфозы в искусстве и культуре [6, с. 340].

Говоря о понимании художественного образа М. М. Бахтиным, следует указать на онтологическую (и антропологическую) взаимосвязь *автора* произведения с создаваемым им художественным образом [5, с. 323]. В понимании художественного образа М. М. Бахтиным прослеживается существенное влияние его *онтологии поступка, диалектики автора и героя* [5, с. 291], а также *философии диалога* [6, с. 319]. Обращаясь к понятию *диалога* у М. М. Бахтина, можно отметить, что коммуникация человека и художественного творения (либо – автора и героя) приобретает *экзистенциальный характер совместного бытия хронотопов* (ср. с «бытием в хронотопе» и «мировыми линиями» у А. А. Ухтомского).

В событии встречи с автором и героями произведения искусства человек переживает доподлинную реальность заключенного в нем уникального художественного образа, испытывает катарсисно-экстатическое и лично значимое воздействие особой реальности художественного мира, обладающего *антиповседневным* (поскольку происходит смена модусов – с наличного бытия на экзистирование) значением. Именно последнее является проводником экзистенциальной свободы, открывающим для человека путь к трансцендентной полноте бытия.

Таким образом, подлинное в экзистенциальном смысле произведение искусства представляет собой *автономный микрокосм-микрохронотоп*, а неподлинное искусство является элементом массовой культуры, не создает собственной обособленной реальности и растворяется в окружающей повседневности, не оставляя следа в бытии. Хронотопологичность, имманентно присущая художественному образу, определяется хронотопологичностью окружающего мира как его онтологической характеристикой, выражаемой и изображаемой произведением искусства.

Посему и последуем к философско-герменевтическому анализу хронотопологической структуры человеческого экзистирования, особенности которого столь удачно – не только с художественно-эстетической, но и фактически с философской точки зрения – были отрефлексированы и выявлены в «Улитке на склоне» Стругацких.

Хронотопологическая структура человеческого экзистирования. По воспоминаниям Б. Н. Стругацкого, в повести «Улитка на склоне» в намеренно экспрессивной и гротескной, но чрезвычайно точной форме было отражено отечественное общество шестидесятых годов и соответствующая ему бюрократическая система («Управление по делам леса», отображающее собой *социальный хронотоп и наличное бытие*). Реализм и достоверность описаний повести подчеркнуты самими авторами. В тексте указывается год рождения Переца, 1930-й, из чего можно вывести, что на момент действия ему около или чуть больше тридцати пяти лет, что позволяет говорить о нем как о уже зрелом, с достаточным жизненным опытом, практически современнике авторов.

Согласно разъяснениям Б. Н. Стругацкого, в образе леса изображалось *будущее* [12, с. 615–618]. Отсюда – такая диалектическая напряженность, очерченная повествованием: человек не управляет собственным временем, идущим от него самого в будущее, т. е. попадает в ситуацию *отчуждения*. Впоследствии, в «Гадких лебедях» [10], Стругацкими будут изображены ученики, выбравшие изгоев-мокрецов (будущее время для самих себя) вместо системно-ориентированных родителей (настоящее время в социальном хронотопе).

Первичная экспозиция экзистенциальной ситуации. В первой главе авторы обрисовывают *наличную ситуацию* – *круг социального хронотопа*, на который фактически замкнут (поглощен) весь окружающий мир:

«Лес отсюда не был виден, но лес был. Он был всегда, хотя увидеть его можно было только с обрыва. В любом другом месте Управления его всегда что-нибудь заслоняло <:> кремлевские здания механических мастерских и четырехэтажный гараж для личных автомобилей сотрудников <...>, скотные дворы подсобного хозяйства и белье, развешанное возле прачечной, где постоянно была сломана сушильная центрифуга, <...> парк с <...> гипсовыми купальщицами, покрытыми карандашными надписями, <...> коттеджи <...> с крестами телевизионных антенн» [11, с. 395–396].

Прежде всего, здесь имеет место ставший привычным замкнутый круг окружающей наличной бытийности (выражаемый перечислением обычной социально-материальной обстановки). Это материальная причинность и необходимость наличного бытия, равная его обыденности, утилитарности, поверхностности, эстетической и аксиологической бедности. Изображен ставший привычным замкнутый круг наличного бытия (слово «отсюда» заякоривает созерцание прямо на него), представленный прежде всего общественной топологией и

обобществленным временем работы, навсегда вошедшими в личностную и когнитивную хронотопологию (т. е. жизненный, или личностный мир и сознание соответственно) индивида, разделившего собой такой способ существования (или согласившегося на него).

Одновременно с этим соприсутствует и неостановимость будущего, означающая *временность самого наличного бытия* – как временность и конечность сущего в целом. Заметим, насколько плотно и обдуманно авторами сразу вводится антитеза *экзистенциально подлинной и открытой природной топологии (лес, обрыв, небо, горизонт...)* и *экзистенциально неподлинной отчужденной общественной топологии (Управление – общество)*. А индивиду (главному герою, читателю, да и самим авторам) предлагается выбор (проявление свободы воли) между ними. Третьего здесь особо не дано. Вспомним августиновы град земной и град небесный.

«Отсюда, из окна второго этажа, лес не был виден из-за высокой кирпичной ограды, пока еще недостроенной, но уже очень высокой, которая возводилась вокруг плоского одноэтажного здания. <...> Лес можно было видеть только с обрыва, но и испражняться на лес можно было только с обрыва» [11, с. 395–396].

Отметим некоторые художественные способы, которыми авторы усиливают экзистенциальную напряженность описаний и повествования:

– *привлечение материального низа*: инфратопология казенных зданий и учреждений, равная закрытому горизонту возможностей и будущего. Интересно, что отчужденная общественная топология равна задавленному всем окружающим, скудному личностному миру человека. Налицо диалектика публичной и личностной топологий;

– *гипербола*: «высокая кирпичная ограда...» символизирует собой предельное обобществление и закрытие окружающего мира, т. е. *полное ничтожение горизонта* и стремление тотального контроля будущего, уничтожения всякой возможности выхода за пределы наличного бытия (по типу «и никуда ты не денешься...»);

– *акцентирование редуцирующих жестов наличного бытия*, соответствующих его приземленной материальной логике: сведение всего окружающего к ровной поверхности, ограждениям, запретам, расписанию, режиму и т. п. В другом месте повести неизбывные плоскость и прагматичность наличного бытия и социального хронотопа выражены не менее емко:

« – Когда выйдет приказ, – провозгласил Домарощинер, – мы двинем <в лес> не ваши паршивые бульдозеры и вездеходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в <...> бетонированную площадку, сухую и ровную.

– Ты превратишь, – сказал Тузик. – Тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь» [11, с. 393].

Впрочем, сам индивид несет ответственность за то, что *чистая возможность свободного экзистирования*, номинально присутствующая в мире, практически никогда не сбывается в реальной жизни:

«Но даже человек, который никогда в жизни не видел леса, ничего не слышал о лесе, не думал о нем, не боялся леса и не мечтал о лесе, <...> мог легко догадаться о существовании его <...> потому, что существовало Управление. <...> И я уверился в <...> существовании <леса> не тогда, когда впервые вышел на обрыв, а когда прочел надпись на вывеске возле подъезда <...>, и это огромное мрачноватое здание занимается его судьбой» [11, с. 395–396].

Заметим, насколько тонко авторы «играют» с героем и читателем, искусно оперируя всеми привязками социально-материальной реальности – как последняя оперирует индивидом:

– подчеркивается неизбывность наличного бытия и соответствующего ему ареала социального хронотопа как основного способа человеческого существования;

– демонстрируется полноценное вхождение окружающей общественной топологии в личностную и когнитивную хронотопологию индивида – до их полного замещения собой.

Это означает, что происходит полное замещение порывов *самости (т. е. внутренней сущности)* индивида наличным бытием. Налицо полная растворенность человека в окружающей социальной топологии. Такова предварительная экспозиция экзистенциальной ситуации героя, обрисованная авторами.

Финальный очерк экзистенциальной ситуации. После неудавшегося побега Переца из управления на материк (а это именно попытка *экзистирования самости* – т. е. отчаянного прорыва из обыденности к горизонту освобождения) и, соответственно, пережитого экзистенциального *краха* (мы используем понятие К. Ясперса [19; 20]) герой возвращается в наличное бытие – с тщетным поиском его самостью малейших оснований для хотя бы трещин (даже не раскола) в монолите повседневности.

В последней главе авторами сначала дается красивое поэтическое описание спрятанного туманом леса – образа, как мы помним, не только навсегда закрывшегося и закрытого горизонта будущего, но и, добавим от себя, *фюзиса*, природы, или отсылки к бытию самому по себе (*основанию* [18]). Разумеется, природа – это не буквально бытие само по себе (*das Sein*), но, строго говоря, его инобытие. Тем не менее именно природа – это, пожалуй, то первое в мире, что отсылает именно к *первоисходному*, т. е. единому одному, к бытию как таковому. Поэтому созерцание природы и ее феноменология есть, несомненно, пробы к *das Sein*. В XX в. это отлично понималось и объяснялось в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера [17]. Природа – это непосредственное «есть» макрохронотопа (мирового феномена) и первый феномен (почти непосредственная явленность) бытия как такового.

«Вместо леса <...> и до самого горизонта лежали плотные облака <...>, таящие бездонную глубину» [11, с. 586].

В начале финальной главы герой видит перед собой то, что *никогда не будет ему дано*, – свободную безбрежную открытость и полноту бытия, т. е. он *видит присутствие отсутствия, небытие*: открытость и подлинность – они не просто где-то, но есть, и прямо перед моими глазами... Но мне, в моей жизни это никогда не будет дано. Будет дана только социально-материальная обыденность. Следовательно, в моем бытии есть существенная *отчужденная часть*. Практически же вопрос о несмирении человека с расколами и трещинами в своем времени может быть решен *только* путем *борьбы* с наличным бытием: *абстрактно-теоретически* – путем появления расколов и трещин в самом наличном бытии, *практически* – путем индивидуального действия, но оно *неизбежно* будет входить в противоречие с социальным хронотопом. Неэтичные способы (приспособление, соержанство и т. п.) не рассматриваем.

Образы облаков, леса, горизонта и других поистине благородных (что не всегда скажешь о человеке...) природных явлений только подчеркивают состояние *падшести* и экзистенциальный *крах* героя. Здесь человек один с отчужденным и закрывшимся миром – в том числе (и особенно) в (будущей) смерти и до самой смерти. В финальной главе авторами раскрывается ситуация *примирения* человека, претерпевшего экзистенциальный крах, с вновь воцарившейся наличной бытийностью как свидетельство наступившей *паллиативности* его существования: вне экзистирования, во внутренней несогласии с обыденностью – и покорном примирении с ней. *Герой идет на компромисс с повседневностью, чтобы определить границы своей оставшейся самости* и сохранить, насколько это возможно, не только остаток самостоятельности, но и *некоторую возможность* самобытия:

«Какое это все-таки хорошее местечко над обрывом <...> только не надо смотреть направо, где нахально сверкает <...> свежей краской <...> роскошная латрина на четыре очка, <...> при желании можно заставить себя вообразить, что это <...> какой-нибудь научный павильон, но все-таки лучше бы ее не было вовсе. Может быть, именно из-за <этого> лес закрылся облаками. <...> Впрочем, вряд ли, <...> он и не такое видел от людей» [11, с. 586–587].

Отметим наиболее характерные онто-этические моменты хронотопологической структуры подобного экзистирования после краха:

– примирение индивида с падшестью и попытка отыскать хотя бы что-нибудь близкое своей самости в окружающей отчужденности макрохронотопа;

– капитуляция самости индивида перед всем внешним и ею обретенная – т. е. назначенная ей социальным хронотопом – компромиссная позиция;

– в итоге – бессильный протест проигравшей и ослабевшей после краха самости.

После «примирения» с действительностью, которое всегда заканчивается только *полным поглощением индивида равнодушным к нему наличным бытием*, наступает выработка оставшейся *компромиссной программы жизни*. Так начинается собственно *практическое действие паллиативного временения*, не меняющего реальность, а *приспосабливающегося* к ней – и в этой мимикрии сохраняющего возможность изменения окружающего – т. е. самого себя. Примечательно, что в двухстраничном описании слово *«подумал»* будет использовано авторами *трижды*, что свидетельствует о том, что после экзистенциального краха и выработки новой, возможно и паллиативной, жизненной программы человек остается только один на один с самим собой. *Мысли словно движутся по кругу*, тщетно пытаюсь найти выход из замкнутой социальной материальности к открытой подлинности:

«Во всяком случае, <...> каждое утро смогу приходить сюда. Буду делать, что мне прикажут, буду считать на испорченном <калькуляторе>, буду преодолевать штурмовую полосу, буду играть в шахматы, <...> если большинству <...> это удалось <...>. В этом даже что-то есть. Два раза в месяц я буду ездить <...> получать жалованье и премии, не в лес, <...> и даже не на

биостанцию, <...> не на свидание с лесом и не на войну с лесом, а за жалованьем и премией. А утром, рано утром, я буду приходить сюда и смотреть на лес издали <...>, и когда-нибудь как-нибудь что-нибудь произойдет» [11, с. 587].

Финальная картина хронотопологической структуры паллиативного экзистирования после краха выглядит соответственно:

– *паллиативное существование*: вместо реального слома сложившихся обстоятельств и победы индивида – высвобождения, принципиального улучшения жизненных условий – победа наличного бытия: приспособительное пребывание в круге оставшихся прежними обстоятельств. А поскольку «время не стоит на месте», окружающие обстоятельства становятся постепенно все хуже и хуже, т. е. *сползают вниз*;

– *тщетный перебор (бег по кругу)* бессмысленных и обесмысливающих дел и дум как фактически наступившее существование овнешненной и отчужденной временностью. Это жизнь, которая никогда не станет полноценной – которая никогда не станет *жизнью* в полном смысле, а будет *существованием*;

– *попытка* самости индивида установить собственные оставшиеся *границы* и найти собственную осмысленность в окружающей падшести – и *полное осознание человеком абсолютной неполноты своего бытия* – при наглядном видении полноты бытия природы и других окружающих лиц, у которых «все хорошо» и «все есть»;

– *практическое выражение паллиатива*: компромиссное составление расписания будущего существования в соответствии с навязанным распорядком общего, гасящего самость. Это чистая паллиативность и падшесть компромиссного существования оставшимся временем и потаенной возможностью без надежды, что, впрочем, вовсе не означает выход к идее пассивного бездеятельностного существования и тем более чисто потребительской жизни;

– должно отметить упорство и обращение самости к последнему приюту подлинности – *фюзису и бытию как таковому* вне надежды на ответ и собственную подлинность в сложившейся социально-материальной реальности.

Заключение. Подытожим наиболее существенные аспекты исследования:

1) *Хронотоп* – это *единство времени и пространства как акциденций (атрибутов и модальностей) сущего*. Бытие сущего хронотопологично, поскольку и материальные тела, и общности (эпоха, событие) характеризуются пространственно-временной целокупностью (*образ Леса*). Окружающий мир представляет собой четырехмерный пространственно-временной континуум (А. Эйнштейн). Предметом человеческого восприятия являются только места и времена, вместе взятые. Никто еще не наблюдал какого-либо места иначе, чем в некоторый момент времени и какое-нибудь время иначе, чем в некотором месте (Г. Минковский).

2) Чтобы обратиться к сущему с помощью понятия хронотопа (иными словами, раскрыть хронотопологичность сущего), необходимо определить онтологическое значение данного понятия, представить хронотоп в качестве *категории онтологии*. В противном случае хронотоп будет восприниматься в качестве прикладного понятия – «сетки координат», внешне налагаемой на разного рода «объекты». В онтологическом смысле хронотоп переводится в *хронотопологию* – многоплановую эволюционирующую *структуру*, акцидентальную сущему, в основе которой лежит *четверичность* времени-пространства-эйдоса-материи (*экзистенциальное соотношение Лес – Перец*).

3) Хронотоп репрезентирует бытийно-смысловое единство сущего. Сущее характеризуется целостностью своего бытийного сущностного смысла и присущих ему пространственных (телесность, расположение в пространстве, образ, локус) и временных (бытие, включенность в целое исторической эпохи, изменчивость) атрибутов. Хронотоп, понятый как хронотопологическая структура, есть результат и выражение бытия сущего, его имманентная естественная характеристика. В этом пункте наиболее сильно влияние антропокосмизма и органицизма, свойственных русскому философскому мирозерцанию (*Лес как положительная, естественная структура, Управление – как отрицательное, искусственное новообразование*).

4) В аналогичной степени существенно значение *этических, эстетических и экзистенциальных мотивов*, особенно в контексте взаимосвязи феноменов жизненного мира и жизненного пути с катарсисно-экстатической структурой поступка, события, созерцания, коммуникации... Вообще, экзистенциальная линия представляется нам одной из наиболее значимых – поскольку она всегда будет родственна и онтологии, и этике, и эстетике, и аксиологии, и даже метафизике. Мы твердо убеждены, что любую теорию и можно, и нужно раскрывать в свете *экзистенциалистски переосмысленных понятий, таких как судьба, забота, событие, дом, быт, ближний*

круг, различного рода экзистенциалов (совести, решимости, ответственности).

5) Экзистенциальное значение переплетается с философией культуры, поскольку человеческое бытие осуществляется в пространстве культуры, а последняя, в свою очередь, есть выражение человеческого бытия в его конкретно-исторической стадиальности. Посему интересно и важно исследование культурологического значения хронотопологических и всех онтологических структур, осмысленных в широком ключе – и не с позиции общего, а с позиции *индивидуального*. Хронотопологичность как структура человека дает взаимосвязанность культурно-исторического пространства, явленную в индивидуально-данном бытии человеческой личности. Одновременно эти хронотопы монадического толка (поскольку они индивидуально положены в бытии сущего) представляют собой, по сути, целую перекрестную сеть семантических отсылок, ведущих, в свою очередь, к хронотопологическим общностям культурно-исторических эпох (в «Улитке на склоне» это 1960-е гг.).

6) Помимо чисто экзистенциальных мотивов, в «Улитке на склоне» рассматривалось соотношение техники и технологий, с одной стороны, и человека, природы, мира в целом, с другой стороны. Этико-экзистенциальный смысл здесь заключен в разумном ограничении технологий и техники человеком согласно нижеследующему критерию. Любые технологии и технику следует ограничить (в т. ч. полностью остановить ее развитие на конкретно достигнутом этапе) тогда, когда они выходят даже на *возможность* причинения потенциально любого вида вреда индивиду. Не обществу, не абстрактным человеку или человечеству, а именно конкретному *индивиду* – ведь только определенный человек, а не обезличенные «популяция», «общество» и т. п. выходит на реальную диалектическую коммуникацию с природой и миром. Только в этом случае возможно сохранение жизни на ее онтологических и метафизических основах – т. е. сохранение планеты, живой природы, диких животных, живого человека в полноценном смысле. Потенциал к этому всегда присутствует в мироздании. В настоящее же время наблюдается торжество явно противоположных тенденций.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 5–6.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–511.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. 732 с.
6. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
7. Карсавин Л. П. Сочинения. М. : Раритет, 1993. 496 с.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М. : Прогресс, 2000. С. 427–457.
9. Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М. : Мысль, 1994. С. 299–526.
10. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Гадкие лебеди // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М. : АСТ-ЛТД ; СПб. : Terra Fantastica, 1997. С. 365–596.
11. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Улитка на склоне // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 1999. С. 379–613.
12. Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. Т. 4: 1964–1966 гг. Донецк : Сталкер ; СПб. : Terra Fantastica, 2001. С. 596–619.
13. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М. : Мысль, 2004. 685 с.
14. Ухтомский А. А. Избранные труды. Л. : Наука, 1978. 371 с.
15. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб. : Петербургский писатель, 1996. 528 с.
16. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 461 с.
18. Хайдеггер М. Положение об основании. СПб. : Алетейя, 2000. 290 с.
19. Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон ; Реабилитация, 2013. 336 с.
20. Ясперс К. Философия. Кн. 3. Метафизика. М. : Канон ; Реабилитация, 2012. 296 с.

Features of the chronotopological structure of existence in the "Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers

Politov Andrei Viktorovich

Doctor of Philosophy, docent, professor, Perm National Research Polytechnic University.
ORCID: 0000-0003-4175-9040. E-mail: avpolitov@pstu.ru

Abstract. Russian thinkers Ukhtomsky and Bakhtin have popularized the chronotope as one of the concepts in philosophy. In the teachings of Ukhtomsky, chronotope as the interconnectedness of being characterizes the existence of a thing and a person. A single entity forms a microchronotope, represented by a world line, organically inscribed in the world macrochronotope. Human existence appears as a chronotopological whole formed by the path-time and the world-space. Being in the chronotope is characterized by a moral component, the dominant of which is the Face of another person. According to Bakhtin's teaching, the chronotope acts as both a material and a semantic spatiotemporal whole, characterizing not only the autonomous microcosm of art, but also the existence of the author and the hero. A person's appeal to an artistic creation takes the form of an existential dialogue. The ontological communication of chronotopes opens in the event of a meeting with the author and the hero. The purpose of the issue is to trace the features of the chronotopological structure of human existence in its relation to the surrounding world, nature, society and oneself. The famous work of Russian literature of the twentieth century, "The Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers, which reveals the specifics of human existence of the past century, will serve as a material for analysis.

Keywords: Ukhtomsky, Bakhtin, Strugatsky, chronotopology, Russian philosophy.

References

1. Bakhtin M. M. *Iskusstvo i otvetstvennost'* [Art and reflection] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 5–6.
2. Bakhtin M. M. *K filosofii postupka* [Towards a philosophical point of view] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 7–68.
3. Bakhtin M. M. *Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic reality] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 69–263.
4. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961). M., Languages of Slavic cultures, 2012. Pp. 340–511.
5. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* [Works. Vol. 5. Works of the 1940s and early 1960s]. M., Russian Dictionaries, 1997. 732 p.
6. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960-h – 1970-h gg.* [Works. Vol. 6. "Problems of Dostoevsky's poetics", 1963. Works of the 1960s–1970s]. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2002. 800 p.
7. Karsavin L. P. *Sochineniya* [Essay]. M., Rarity, 1993. 496 p.
8. Kristeva J. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, the word, dialogue and the novel] // *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* – French semiotics: from structuralism to poststructuralism. M., Progress, 2000. Pp. 427–457.
9. Losev A. F. *Samoe samo* [Itself] // *Losev A. F. Mif – Chislo – Sushchnost'* – Losev A. F. Myth-Number-Essence. M., Mysl, 1994. Pp. 299–526.
10. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. *Gadkie lebedi* [Ugly swans] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Otyagoshchennye zlom. Za milliard let do konca sveta. Gadkie lebedi* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Burdened with evil. A billion years before the end of the world. Ugly Swans. M., AST; SPb., Terra Fantastica, 1997. Pp. 365–596.
11. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. *Ulitka na sklone* [Snail on the slope] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Piknik na obochine. Otel' "U pogibshhego al'pinista". Ulitka na sklone* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Picnic on the edge. The Dead Climber's Hotel. Snail on the slope. M., AST; SPb., Terra Fantastica, 1999. Pp. 379–613.
12. Strugatsky B. N. *Kommentarii k proydennomu* [Comments on the previous] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Sobranie sochinenij. T. 4: 1964–1966 gg.* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Works. Vol. 4: 1964–1966. Donetsk, Stalker; SPb., Terra Fantastica, 2001. Pp. 596–619.
13. Florensky P. A. *Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoj antropodicei)* [Collected works. The Philosophy of cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)]. M., Mysl, 2004. 685 p.
14. Ukhtomsky A. A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. L., Nauka (Science), 1978. 371 p.
15. Ukhtomsky A. A. *Intuiciya sovesti* [Intuition of conscience]. SPb., Petersburg's Writer, 1996. 528 p.
16. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. SPb., Peter, 2002. 448 p.

17. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. M., Ad Marginem, 1997. 461 p.
18. Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii* [The basic]. SPb., Aleteya, 2000. 290 p.
19. Jaspers K. *Razum i ekzistenciya* [Reason and existence]. M., Canon ; Rehabilitation, 2013. 336 p.
20. Jaspers K. *Filosofiya. Kn. 3. Metafizika* [Philosophy. Ch. 3. Metaphysics]. M., Canon ; Rehabilitation, 2012. 296 p.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 11.11.2025